КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ О ХОДЖЕ НАСРЕДДИНЕ: СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО ЦИКЛА

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

Восточный культурный канал до сих пор остается малоразработанной проблемой в карачаево-балкарской науке о фольклоре. В данной статье с опорой на труды предшественников (И. Ахматова, А. Гутова, Л. Гергоковой, Ф. Гулиевой (Занукоевой), А. Караевой, З. Налоева, Ж. Тхамоковой, В. Руднева, Ф. Урусбиевой, А. Холаева) исследуется особый пласт устного народного творчества, связанный с образом Ходжи Насреддина. При этом основное внимание сосредоточено на сатирических миниатюрах, маркированных семейно-бытовой тематикой. Проанализированы анекдоты «Обучение», «Кого любит Хожа», «Два дешевеньких кольца», «Победа Хожи», «Женитьба», «Как поступить?», «Растерянность» и др. Как показывает анализ, двумя стилиобразующими чертами названных текстов являются смех и дидактика. Сатира ориентирована на воспитание в читателях таких ценностей, как культ старшего, ответственность за близких людей, гостеприимство, супружеская верность, взаимовыручка.

Особую группу сатирических миниатюр составляют так называемые «лингвистические анекдоты», генератором смеха в которых является подмена метафорического значения слова прямым, буквальным. Воспитательная ценность подобных фольклорных произведений заключается в том, что они развивают в личности рефлексивную чувствительность к семантическим оттенкам слова, толерантность, а также высокую коммуникативную культуру.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, смеховая культура, дидактика, анекдот, Ходжа Насреддин, миграционная школа, межкультурная коммуникация, восточный канал.

Процессы, связанные с глобализацией, заставляют современных фольклористов по-новому присмотреться к комплексу вопросов, имеющих отношение к миграционной школе, школе заимствований и теории бродячих сюжетов. Благодаря усилиям представителей миграционной школы в фольклористике утвердилось мнение о «сходстве многих нарративных произведений евразийских народов (в т.ч. неродственных), что объясняется прямым или косвенным заимствованием, распространением из одного или нескольких очагов» [ЛЭТП 2003: 542]. Как один из самых красноречивых тому примеров «миграционщики» обычно приводят творческую историю древнеиндийской «Панчатантры» – уникального фольклорного источника, откуда архифабулы сказок, притч и басен распространились по всему просвещенному миру.

Абсолютизм миграционной теории несколько подкорректировал А.Н. Веселовский, предложивший учитывать и такой феномен как «типологический универсализм мирового культурного развития» [ЛЭТП 2003: 542]. По мнению русского ученого, любая этническая культура из бродячих мировых сюжетов в свой арсенал забирает только то, что созвучно ее собственным этико-эстетическим задачам и уже имеющимся наработкам. Метафорическим выражением «встречные течения» он обозначил суть фольклорно-мифологических заимствований.

Механизм и методологию «встречных течений» на микроуровне поэтических текстов весьма виртуозно проиллюстрировал фольклорист и литературовед А.М. Гутов в своем сборнике «Константы в культурном пространстве» [Гутов 2011]. После анализа нескольких архетипических мотивов, объединенных темой «война и женщина», автор делает важный вывод о том, что «одна общая беда, сходные обстоятельства и образ мыслей привели к использованию единого способа выражения и целой череде сходных образов» [Гутов 2011: 161]. Отмеченные А.М. Гутым типологические схождения образов в художественных текстах могут быть дополнены и каналом заимствований.

Сказанное имеет прямое отношение к многочисленным ближневосточным образам, которые совершенно органично вписались в северокавказскую фольклорную систему. З.М. Налоев отмечает: «Изучение истории развития культуры и общественно-политической мысли адыгских народов не даст желаемых результатов без учета влияния двух мировых цивилизаций – европейской, которая шла через Россию, и мусульманского Востока, проникавших на Северный Кавказ главным образом через конфессиональные школы. Русский культурный канал, по которому в среду адыгов приходили обновляющие общественные идеи от просветительских до революционных, к сожалению, все еще слабо изучен, а восточный канал до сих пор остается почти нетронутой целиной» [Налоев 1976: 145].

Далее, конкретизируя работу «восточного канала», З.М. Налоев разъясняет: «Носителями и передатчиками этого культурного богатства были люди, получившие арабское образование и владевшие языками арабским, турецким (частично и персидским). Это были выпускники адыгских медресе и восточных (арабских и турецких) университетов. Духовные ценности, создаваемые ими, приходили к адыгам в виде печатных книг, но общество, не имевшее письменно-литературных традиций, воспринимало их на фольклорном уровне и ассимилировало, как ассимилируют заимствованные фольклорные сюжеты» [Налоев 1976: 159]. В этом контексте следует отметить также статью Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой) «О роли межэтнической коммуникации в процессе формирования и развития карачаево-балкарского фольклора», где автор пишет: «Определенный вклад в этот процесс вносили и наши соотечественники, совершавшие паломничество по священным для мусульман местам (*хадж*), изучавшие религиозные дисциплины в различных учебных заведениях стран Ближнего Востока (Кязим Мечиев, Даут Шаваев и др.). Наряду с духовной традицией они знакомились с образцами восточной литературы и, возвратившись на родину, знакомили с ними своих соплеменников напрямую или через свои собственные сочинения. Частично их элементы проникали в дальнейшем и в фольклор» [Гулиева (Занукоева) 2019: 86].

Большую работу по определению роли Востока в формировании сюжетного репертуара адыгских сказок провела и фольклорист Ж.Г. Тхамокова, отметившая, что «из 231 сюжета адыгских бытовых сказок (новеллистических и анекдотических), включенных нами в национальный указатель, 54 типа обнаружили сюжетное соответствие в турецком сказочном материале» [Тхамокова 2014: 121].

Вместе с тем, полагаем, что мысли, озвученные З.М. Налоевым, до сих пор не потеряли своей актуальности и, действительно, восточный культурный канал все еще остается малоисследованной темой в фольклористике кабардинцев и балкарцев.

Частью необработанной «целинной земли» остается и целый пласт фольклорных текстов о Ходже Насреддине – легендарном общевосточном разнохарактерном персонаже, получившем «постоянную прописку» и в северокавказском устном народном творчестве. Красноречивым свидетельством его многоликости являются сборники сатирических миниатюр с примечательными названиями «Анекдоты Молла Насреддина» [Анекдоты... 1993], «Анекдоты о Ходже Насреддине» [Анекдоты... 1997], «Двадцать четыре Насреддина» [Двадцать четыре Насреддина 1986], «Хоже» [Кабардинский фольклор... 2000], «Насра Ходжаны

хапарлары» – «Рассказы Ходжи Насреддина» [Ёртенланы 1987], «Хожя» [Хожа 1990]. Любопытно, что даже имя восточного остроумца каждый из северокавказских народов адаптировал к собственной артикуляционной системе: у аварцев – Малла Насрудин, у адыгейцев – Хьожэ Нэсрудин, у кабардинцев – Хьужэ Нэсрудин, у балкарцев – Насра Хожа, у карачаевцев – Насра Ходжа, у ингушей и чеченцев – Молла Несарт, у кумыков – Молла Насюрттюнь.

З.М. Налоев считал, что анекдоты о Ходже являются одной из замечательных культурных ценностей, заимствованных адыгами у мусульманского Востока. Ученый писал: «Турки вместе с исламом принесли горцам и восточные сказки, и предания, и цинические анекдоты про своего любимого и по-турецки остроумного шута-ходжа, который с тех пор и между горцами сделался любимым героем рассказов. О нем теперь знают во всяком ауле. Анекдоты Ходжа напечатаны на турецком языке и расходятся подобно нашим анекдотам о Балакиреве. Мы слышали многие, которые и могли только печататься на востоке и преимущественно в Турции. Ходжа не только проник к нам, но и, как говорится, стал своим человеком, породив множество новых адыгских анекдотов» [Налоев 1976: 159].

Нельзя сказать, что в карачаево-балкарской фольклористике решены все научно-исследовательские задачи, связанные с архетипическим образом Насра Ходжи. Однако определенный задел уже есть. В первую очередь следует отметить сборники о Насра-Ходже, изданные благодаря усилиям А.Л. Уртенова [Ёртенланы 1987], И.Х. Ахматова, А.З. Холаева [Хожа 1990]. Разные аспекты изучения образа восточного мудреца были затронуты в трудах А.И. Караевой [Караева 1966: 20], Ф.А. Урусбиевой [Урусбиева 1972: 31], А.З. Холаева [Холаев 1981: 28], Л.С. Гергоковой [Гергокова 2019], Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой) [Гулиева (Занукоева 2015: 56)]. Так, предметом исследования в статье Л. С. Гергоковой является выявление типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре. Автор справедливо отмечает, что «заимствованный в фольклор карачаевцев и балкарцев герой из восточных анекдотов Насра Хожа прижился, нашел национально-своеобразные черты человеческого характера, обрел национальный колорит и стал родным и близким народу. Передаваясь из уст в уста, анекдотические рассказы об этом персонаже вобрали все духовные и материальные ценности этноса, особенности его менталитета. Прошло много лет, но и сейчас, когда происходит что-то смешное в среде карачаевцев и балкарцев, используют высказывание-формулу «Хожалай» – «как Ходжа», «Хожя этгенлей» – «сделал так же, как и Ходжа», связывая смех и юмор с именем знаменитого мудреца-острослова» [Гергокова 2019: 213].

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) в своей монографии «Карачаево-балкарская не-сказочная проза и ее традиции в балкарской литературе» в особый раздел выделяет карачаево-балкарские анекдоты, «имеющие реальных прототипов, но причисленные к данному циклу (Насра Хоже – Б.Б.) вследствие утраты имен героев». Выдвигая научно состоятельную гипотезу о существовании «местных Насреддинов», исследовательница пишет: «В среде балкарцев существует формула: «Хар элни кесини Хожасы барды» – «В каждом селе имеется свой Хожа». Так, среди жителей села Герпегеж бытуют рассказы о Жантуеве Аубекире, Бозиеве Мамае, в Баксанском ущелье – об Алчагирове Гычы и т.д.» [Гулиева (Занукоева) 2015: 56].

Анекдоты о Ходже Насреддине оказали значительное влияние и на балкарскую литературу. Так, логическую связь между балкарской комедиографией и анекдотами восточного остроумца уловила Ф.А. Урусбиева, которая считала, что «конкретность, вещьность, образность изображения, афористичность мышления, демократизм – все это пришло в балкарскую сатиру не только из народного творчества, но и связано с восточной сатирической традицией, с анекдотами Моллы Насреддина» [Урусбиева 1972: 31].

Несмотря на все вышеизложенное, пласт устной словесности карачаевцев и балкарцев, связанный с данным героем, все еще не получил должной оценки. На наш взгляд, на следующем этапе актуализируются вопросы, связанные с жанрово-стилистическими и тематическими особенностями преданий о Ходже Насреддине.

Отличительной чертой карачаево-балкарских изданий о великом восточном мудреце является наличие в них изначальной тематической классификации. Важное место в сборниках занимает семейно-бытовой цикл сатирических миниатюр («*Хожаны юю, юйюрю*»), включающий в себя 27 текстов. Прежде чем приступим к собственно анализу этих произведений, определимся с жанрово-стилистическими характеристиками анекдота. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под анекдотом понимается «небольшой шуточный рассказ с остроумной в своей непредсказуемости “концовкой”» [ЛЭТП 2003: 35].

Культуролог В. Руднев пишет: «Сердцевина анекдота, его пуант (неожиданная развязка) осуществляет разрядку напряженности, возникшую в разговоре, и тем самым посредническую (медиативную) функцию, выводящую говорящих из неловкого положения или просто затянувшейся паузы» [Руднев 1997: 27]. Героев, подобных Ходже Насреддину, В. Руднев называет трикстерами (от нем. *Trikster* – шутник, плут), которые служат «посредниками между богами и людьми, между жизнью и смертью» [Руднев 1997: 27].

Если собрать воедино все человеческие ипостаси Ходжи, то можно заметить, что в разных ситуациях он проявляет себя то как мудрец, то как циник, то как богослов, то как безбожник. На наш взгляд, все его мизансцены являются в совокупности «театром одного актера» – актера, который каждый раз перевоплощается для того, чтобы воочию показать людям лики зла и добра, благотворного и порочного, социально одобряемого и недопустимого.

Артистизм и театрализованность в наибольшей степени характерны для семейно-бытового цикла карачаево-балкарских сатирических миниатюр о Насра Ходже, на котором сосредоточено основное научно-исследовательское внимание в данной статье. «Модель семьи выступает своего рода “шахматной доской”, где через передвижения “фамильных фигур” весьма удобно демонстрировать как ошибки, промахи, проигрыши человека, так и его верные ходы, достижения, победы в области непротиворечивых друг другу универсальных или этнических моральных нормативов» [Берберов 2016: 96].

В некоторых миниатюрах Насра Ходжа предстает как классический просветитель, обучающий людей уму-разуму, при этом жизненные уроки закладываются в текст в смеховой, юмористической оболочке. Ярким тому примером может служить анекдотическая история с примечательным названием «*Юйретиу*» («Обучение»). В ней речь идет о том, что Ходжа, вручив дочери кувшин, отправляет ее за водой и напоследок бьет ее по щеке со словами: «Смотри, не разбей сосуд!» Окружающие с недоумением делают замечание отцу, мол, зачем бить, кувшин ведь цел и невредим. На это Ходжа отвечает: «Какой смысл бить, если кувшин сломан? Бить надо заранее, чтобы она была осторожна» [Хожа 1990: 134]. В этом, на первый взгляд, анекдотическом рассказе, на самом деле кроется важная воспитательная идея, связанная с профилактическими мерами, превентивным противодействием возможной угрозе, умением прогнозировать, думать на несколько ходов вперед. Любой слушатель может посмеяться над алогичным действием чудака, но при этом утрированная сценка в его сознании навсегда закрепится как урок профилактической работы.

В рассматриваемом семейно-бытовом цикле много внимания уделено вопросам выбора спутницы жизни. Когда наступает решающий момент, молодому человеку нередко бывает сложно определиться в собственных чувствах, особенно если речь идет о двух потенциальных невестах. В анекдотической истории «*Хожа кимни сюеди*» («Кого любит Ходжа») как раз изображена такая сложная

в психологическом отношении альтернативная ситуация, которую главный герой тактично решает при помощи тонкого юмора. Суть анекдота: Ходжу одновременно любят две девушки – Гокга и Асий. Им важно узнать о предпочтениях своего фаворита, но он уверяет, что обеих любит в равной степени. Тогда девушки предлагают Ходже решить ситуативную задачу. «Представь, ты нас обеих посадил в лодку, мы плывем в море, но обе выпали за борт и начали тонуть. Кого бы ты спас?» Ходжа вспомнил, что он совершенно не умеет плавать, и, посмотрев в глаза любимой девушки, сказал: «Асий, я надеюсь, что ты хоть немного умеешь плавать?» [Хожа 1990: 126]. Здесь кажущаяся на первый взгляд банально-житейская тема любви вплотную подводит читателя к сложным философским вопросам, связанным с диалектикой. «Кого любишь больше: отца или мать?», «Что лучше: хлеб или вода?». Это вопросы из разряда «не берушихся», безответных, однако, как показывает Ходжа, всегда есть хоть один микрон в пользу того ли иного фигуранта в бинарной системе. Рассуждая о подобных явлениях, А.М. Гуттов сделал весьма ценное умозаключение о том, что «суждения, кажущиеся антагонистическими, подчас свидетельствуют не столько о противоречивости толкований и антагонизмах, сколько о многообразии форм проявления реальной действительности» [Гуттов 2011: 4].

Семья – это целый мир, где постоянно приходится решать диалектические проблемы, не рана чувств домочадцев. И вновь Ходжа на собственном примере показывает дипломатический прием решения психологической коллизии. В анекдотической новелле «Учуз жюзюкле» («Дешевые кольца») описывается драматическая жизнь Ходжи, который устал от постоянных скандалов между двумя своими женами. Они никак не могли выяснить, кого муж любит больше. Ходжа нашел весьма оригинальный способ, чтобы решить семейный конфликт. Он купил на базаре дешевые кольца и каждой из жен в секретной обстановке вручил по колечку со словами: «Это знак моей особой любви к тебе. Никому не показывай, храни как зеницу ока в укромном местечке!». Женщины были довольны. Теперь, когда возникал вопрос о предпочтениях мужа, он говорил: «Люблю ту из вас, которой подарил кольцо!» [Хожа 1990: 123]. При анализе данного фольклорного текста важно обратить внимание на определение «дешевые кольца», в котором кроется важный философский смысл: зачастую решение сложных фатальных проблем достижимо посредством простейших малозатратных методов, требующих лишь психологической смекалки и аналитических способностей конфликтолога.

Античная культурологема «пиррова победа» [Словарь античности 1989: 431], обозначающая мнимую, ложную победу при катастрофических потерях, вошла в широкий обиход, включая и национальный фольклор. В рассматриваемом цикле также встречается несколько семейно-бытовых юморесок, основанных на ней. Заголовок одной из них даже сохранил интертекстуальную перекличку со своим древнеримским первоисточником – «Хожаны хорлау» («Победа Ходжи»). Семейный конфликт начинается с пустяка: Ходжа и его жена не могут решить, кто из них должен давать по утрам корм ослу? Скандал дошел до выяснения границ между мужскими и женскими обязанностями в доме. Не в силах прийти к консенсусу, супруги прибегли к старинной игре в «молчанку»: кто первый заговорит, тот и будет кормить осла. Хитроумная жена, чтобы заведомо уберечь себя от речевого проигрыша, просто ушла к соседке на весь день. По сюжету в это время к Ходже в дом явился грабитель, который стал складывать в мешок все, что попадалось под руку. Ходжа упорно хранил молчание. Осмелевший вор, решив, что хозяин – ничего не соображающий дурак, даже шапку сорвал с его головы и положил к себе в мешок. Ближе к вечеру жена с соседкой на разведку послали мальчика с миской горячего супа. Ходжа жестами стал объяснять ему, что вор ограбил его, даже шапку забрал. Мальчишка, по-своему истолковав его жест, налил горячий суп прямо на его голову. Геройствующий упрямец даже тут

не промолвил ни слова. Вскоре жена, почуявшая неладное, прибежала в дом и набросилась на мужа с криком, ором и проклятиями, на что невозмутимый супруг победоносно заявил: «Ты проиграла! Конец нашему спору. Отныне ты будешь кормить осла!» [Хожа 1990: 121].

Очевиден воспитательный потенциал приведенной сатирической миниатюры, посвященной поэтизации культурного диалога в семье. Для сохранения здорового климата в доме каждому из супругов важно забыть о собственных амбициях и сосредоточить основное внимание на таких ценностях, как поддержка ближнего, взаимопонимание, уважение чужого культурного пространства, альтруизм. Кстати, отметим, что типологически сходный сюжет «пирровой победы» обнаружен в кабардинской версии проанализированного анекдота под названием «Семейство Хоже» [Кабардинский фольклор 2000: 486].

Наибольший удельный вес в рассматриваемом цикле занимают юмористические миниатюры, в которых смех «высекается» посредством возвращения фразеологическому обороту его буквального, первозданного смысла в обход иносказательного, метафорического. Это такие фольклорные тексты, как «*Къатын алыу*» («Женитьба»), «*Осал къатын*» («Плохая жена»), «*Къалай этгин*» («Как поступить»), «*Армау болуу*» («Растерянность»), «*Иесиз мал*» («Бесхозное животное») и др. Объясняя суть такого рода «лингвистических анекдотов», В. Руднев пишет: «У слова много значений, одни из них прямые, другие – переносные, косвенные. Чем более значение удаляется от прямого, тем менее оно вероятно, более неожиданно. Тот, кто хорошо рассказывает анекдот, тем самым хорошо владеет «хвостовой частью» множества значений слова. Тот, кто хорошо понимает анекдот, должен как минимум знать язык, на котором рассказывается анекдот, в совершенстве» [Руднев 1997: 28].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что все рассмотренные нами «лингвистические анекдоты» являются незаимствованными, исконными, «доморощенными», поскольку обыгрываемые в них слова и сочетания принадлежат карачаево-балкарскому языку.

Приведем несколько примеров из семейно-бытового цикла, где явления, связанные с омонимией или полисемией становятся источником народного смеха. В юмореске «*Армау болуу*» («Растерянность») анекдотическая ситуация строится на выражении «*арлакъ кет*», что может быть одновременно истолковано как «подвинься» и как «уйди куда-нибудь далеко». По сюжету в помещение заходит жена с охапкой дров и просит Ходжу отодвинуться от печи, чтобы скинуть свой груз. Ходжа, превратно истолковавший слова супруги, молча одел верхнюю одежду и покинул дом. Дойдя до края селения, он встретил соседа и обратился к нему с просьбой: «Пожалуйста, сходи к моей жене и скажи, что я уже почти у леса. Надо ли еще дальше отойти, или достаточно?» [Хожа 1990: 131].

В миниатюре «*Осал къатын*» («Плохая жена») источником «лексикологического смеха» является разведение двух значений единого слова «*айланыргъа*» – «гулять – ходить») и «гулять – изменять мужу». На подтрунивание приятелей о том, что жена Ходжи гуляет, остроумец отвечает: «Если бы она имела обыкновение повсюду ходить, то однажды и домой бы зашла» [Хожа 1990: 117].

Приведем еще один пример из юмористического рассказа «*Къалай этгин*» («Как поступить»). Маленькому Ходже было сказано: «*Эшикни къоюн кетме!*» – что в переводе означало: «Не покидай дом!». Однако малолетний мудрец взял на вооружение буквальный смысл назидательных слов («не оставляй двери») и поступил весьма оригинальным образом: он снял дверь с петель, взгромоздил ее на спину и ушел гулять» [Хожа 1990: 119]. Все такого рода «лингвистические анекдоты» учат человека тонкостям межкультурной коммуникации. В целом весь рассмотренный семейно-бытовой цикл со всеми его дидактическими идеями являет собой «текст, несущий информацию о должном варианте бытия

человека, внутренне запрограммированного на рост и возвышение» [Кучукова 2005: 47].

Таким образом, на основании изученного материала можно сделать вывод о том, что сатирические миниатюры о Ходже Насреддине, отмеченные знаком национального своеобразия, являются составной частью карачаево-балкарского фольклора. Особое место в этнофольклорной «наседдиниане» занимает цикл, тематически связанный с институтом семьи. Как показал проведенный анализ, основное предназначение анекдотических текстов – «смехом править нрав», воспитывать в людях такие качества, как любовь к ближнему, чувство справедливости, высокую коммуникативную культуру.

Источники и литература

1. Анекдоты Молла Насреддина. М.: Внешлиберика, 1993. 72 с.
2. Анекдоты о Хоже Насреддине / сост. М.Г. Тахмасиб. М.: Агентство «ФАИР», 1997. 368 с.
3. Берберов Б.А. Ценностная картина мира в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 95–98.
4. Гергокова Л.С. Воплощение типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ (KBIHR Bulletin). 2019. № 3 (42). С. 207–215.
5. Гулиева (Занукова) Ф.Х. Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
6. Гулиева (Занукова) Ф.Х. О роли межэтнической коммуникации в процессе формирования и развития карачаево-балкарского фольклора // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 4 (90). С. 84–88.
7. Готов А.М. Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
8. Двадцать четыре Насреддина (2-е, дополн. издание книги «Двадцать три Насреддина») / сост., вступ. статья, примечания и указатели М.С. Харитонов. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1986. 622 с.
9. Ёртенланы А. Насра Ходжаны хапарлары. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бёлюмю, 1987. 232 б. (Уртенев А.Л. Рассказы Насреддина. Черкесск: Карач.-Черкес. отд.-ние Ставроп. кн. изд.-ва, 1987. 232 с.).
10. Караева А.И. Очерки истории карачаевской литературы. М.: Наука, 1966. 320 с.
11. Кучукова З.А. Нарский эпос: вертикаль как метакод бытия // Культурная жизнь Юга России. 2005. № 4 (14). С. 44–48.
12. ЛЭТП 2003 – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интел-вак», 2003. 1600 стб.
13. Налоев З.М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века. Материалы конференции 28–29 марта 1974 года). Нальчик: КБНИИ, 1976. С. 145–165.
14. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
15. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
16. Тхамокова Ж.Г. Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. 222 с.
17. Урусбиева Ф.А. Путь к жанру. Очерк истории жанров в балкарской литературе. Нальчик: Эльбрус, 1972. 174 с.
18. Хожа / жарашдыргъанла Ахматланы И., Холаланы А. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1990. 224 б. (Хожа / сост. И. Ахматов, А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 224 с.).
19. Хоже // Кабардинский фольклор. Изд.-е 2-е, дополн. / под ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 475–509.
20. Холаев А.З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

KARACHAY-BALKARIAN SATIRIAN MINIATURES ABOUT HOJA NASREDIN: SPECIFICITY OF FAMILY-HOUSEHOLD CYCLE

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

The eastern cultural channel still remains an underdeveloped problem in the Karachay-Balkarian science of folklore. In this article, relying on the works of his predecessors (I. Akhmatov, A. Gutov, L. Gergokova, F. Gulieva (Zanukoeva), A. Karaeva, Z. Naloev, Zh. Tkhamokova, V. Rudnev, F. Urusbieva, A. Kholaev) explores a special layer of oral folk art associated with the image of Hoja Nasreddin. At the same time, the main attention is focused on satirical miniatures marked with family-household themes. The anecdotes «Training», «Whom loves Hoja», «Two cheap rings», «Hoja's victory», «Marriage», «What to do?», «Confusion» and others are analyzed. As analysis shows, two style-forming features of these texts are laughter and didactics. Satire is focused on educating readers of such values as the cult of the elder, responsibility for loved ones, hospitality, marital fidelity, mutual assistance.

A special group of satirical miniatures is made up of the so-called «linguistic jokes», in which the generator of laughter is the substitution of the metaphorical meaning of the word direct, literal. The educational value of such folklore works lies in the fact that they develop in the person reflective sensitivity to the semantic shades of the word, tolerance, as well as a high communicative culture.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, laughter culture, didactics, anecdote, Hoja Nasreddin, migration school, intercultural communication, eastern channel.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-85-92